

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.5

EDN: OGCRAS

*М.В. МАСЛОВСКИЙ*¹

¹ Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, ком. 504.

АНАЛИЗ «ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ» СОВЕТСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МОДЕЛЕЙ АЛЬТЕРНАТИВНОГО МОДЕРНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ Й. АРНАСОНА

Аннотация. В статье рассматривается анализ «переплетения» современных обществ, представленный в социологической и исторической литературе. Выделены различия между подходами к данной проблеме в работах Й. Терборна и Й. Арнасона. Характеризуется анализ динамики коммунистического модерна в работах Арнасона. Основным примером переплетения двух версий альтернативного модерна служит для этого социолога взаимодействие СССР и Китая. Как демонстрирует Арнасон, в 1920-е гг. советская модель государственного строительства служила для различных политических сил в Китае примером успешного воссоздания разрушенной империи. Кроме того, Арнасон выделяет роль связей с Китаем в политической жизни советского государства. В дальнейшем китайские коммунисты еще до своего прихода к власти в стране адаптировали советские методы тоталитарного контроля. После 1949 г. происходили дальнейшая адаптация и радикализация советской модели модерна в китайских условиях. В то же время усилилось противостояние СССР и маоистского Китая, в значительной мере обусловленное имперским наследием обоих государств. Согласно Арнасону, в постмаоистский период в Китае сочетание паттернов капиталистического развития, элементов марксистско-ленинской политической практики и идеологии, а также избирательного возрождения конфуцианского наследия в целом выходит за рамки советской модели. Этот социолог характеризует влияние на китайское руководство примера экономического развития других стран Восточной Азии, исторически принадлежавших к китайскому культурному миру. С позиций своей концепции он рассматривает также противостояние США и Китая в современном глобальном геополитическом контексте.

Ключевые слова: историческая социология; Й. Арнасон; переплетенные модерна; Советский Союз; Китай.

Для цитирования: Масловский М.В. Анализ «переплетения» советской и китайской моделей альтернативного модерна в исторической социологии Й. Арнасона // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 1. С. 97–112. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.5 EDN: OGCRAS

Введение

Рецепция исторической социологии Й. Арнасона отечественными исследователями, начавшаяся с публикации перевода его статьи «Коммунизм и модерн» [1], постепенно выходит на новый уровень. Если первоначально обсуждался главным образом предложенный этим социологом анализ советской версии модерна, то в последние годы российскими учеными рассматривались различные стороны его теоретической деятельности. В частности, концепция Арнасона характеризовалась в общем контексте развития цивилизационного анализа как направления мировой исторической социологии [4], а также был рассмотрен его подход к изучению восточноазиатского модерна [13]. В последнем случае были выделены различия между СССР и Китаем [13, с. 85–86], но не особенности взаимодействия сложившихся в этих странах версий альтернативного модерна.

Между тем необходимо учитывать, что концепция Арнасона «имеет ярко выраженную трансцивилизационную и транснациональную направленность» [7, с. 787]. Австралийский исследователь Дж. Смит относит данную концепцию к «реляционному» направлению в современном цивилизационном анализе [20, р. 29], тогда как Р.Г. Браславский рассматривает ее как «интеракционную» [4, с. 22]. Но и в том и в другом случае акцент делается на межцивилизационных встречах (*intercivilizational encounters*) и их влиянии на историческую динамику различных обществ. При этом Арнасон не ограничивается анализом взаимодействия традиционных цивилизаций, но распространяет свой подход и на взаимоотношения современных обществ, в том числе взаимодействие СССР и Китая с 1920-х гг. до момента распада советской системы.

«Переплетенные» модерны: исторические и социологические подходы

Понятие «переплетенных» модернов (*entangled modernities*) первоначально использовалось для анализа взаимодействия Запада с незападными обществами в работах историков постколониальной ориентации [19]. Исследователями глобальной истории подчеркивалась, в частности, взаимозависимость развития Великобритании и колониальной Индии [10, с. 99]. С позиций социологической теории возможности использования понятия «переплетенных» модернов обосновал Й. Терборн [22], по мнению которого европейский путь выступает лишь одним из возможных вариантов модернизации. Как указывает этот социолог, следует выделить также особенности формирования

модерного общества в странах Нового Света, на колониальных территориях и в государствах, вставших на путь «реактивной модернизации» в ответ на внешнюю угрозу со стороны Запада. К указанным вариантам он добавляет «гибридные пути», представленные Россией и Китаем. В данном случае речь идет о странах, выбиравших две различные траектории модернизации или более.

Как полагает Терборн, по сравнению с Россией «Китай представлял собой более сложный случай гибридного пути к модерну, включавший элементы реактивной модернизации, идентификацию с колонизаторами и восстание против них, а также важное заимствование европейской классовой политики» [12, с. 100]. Согласно Терборну, с одной стороны, характер китайской модернизации во многом определялся «двусмысленным» государственным статусом, поскольку в конце XIX в. и в первые десятилетия XX в. Китай «не был ни независимым и суверенным государством, ни колонией; точнее говоря, он был и тем и другим одновременно» [12, с. 101]. С другой стороны, произошло заимствование советского типа политического режима. Однако Терборн, по-видимому, не учитывает в полной мере значение «переплетения» советской и китайской моделей альтернативного модерна для траектории развития Китая в коммунистический период.

Анализ особенностей «модернистского» подхода к изучению советской истории осуществил американский историк М. Дэвид-Фокс. Этот исследователь обращается и к социологической литературе, посвященной проблематике множественных модернов, выделяя теоретический вклад Ш. Эйзенштадта. С точки зрения Дэвид-Фокса, сторонники развивавшегося в 1990-е и 2000-е гг. «модернистского» направления в исследованиях советской истории «стали участниками методологического движения в сторону “множественных модерностей”, даже если Эйзенштадт и его концепция не привлекли их внимания» [6, с. 54]. Кроме того, концептуализация модерна в работах П. Вагнера «несправедливо осталась незамеченной» в исследованиях российской истории [6, с. 66].

Дэвид-Фокс использует понятия альтернативных и «переплетенных» модернов, ссылаясь на труды Эйзенштадта и Терборна. По его мнению, представление об альтернативном советском модерне, встречающееся в дискуссиях советологов, может быть соотнесено с концепцией Эйзенштадта [5, с. 36]. В то же время понятие «переплетенных» модернов позволяет рассматривать современное общество не как упорядоченное целое, но выделять взаимодействие его составных частей в политической, экономической и культурной сферах. Общий вывод, который делает Дэвид-Фокс, заключается в том, что в многонациональном советском государстве существовал не целостный, единый модерн, но его различные переплетенные версии [5, с. 40]. Однако при обращении к этому примеру американский историк сближается

с пониманием переплетения модернов, характерного, скорее, для постколониальной теории. Ссылаясь на анализ «переплетенных коммунизмов» в СССР и Китае, проведенный Й. Арнасоном, Дэвид-Фокс не уделяет достаточного внимания предложенному этим социологом теоретическому подходу.

Следует отметить, что Арнасон характеризует различные контексты динамики множественных модернов. Он подчеркивает, что источником различий между типами модерна может выступать цивилизационное наследие, что представлено примером конфуцианской цивилизации, охватывающей Китай и другие страны Восточной Азии. Арнасон выделяет также альтернативные модерны, стремившиеся к преобладанию на мировой арене, что было характерно для коммунизма как особого типа современного общества. Советскую версию модерна он рассматривает как цивилизационный проект с глобальными амбициями, который был подорван внутренними противоречиями. С точки зрения этого социолога, сравнительное изучение коммунистических проектов и режимов является одним из наиболее многообещающих путей для включения проблематики множественных модернов в социологический цивилизационный анализ [16, р. 335].

Взаимное переплетение современных обществ исследовалось с двух точек зрения. С одной стороны, с позиций мир-системной теории подчеркивалась зависимость периферийных регионов от ядра системы. С другой стороны, критика ранней версии теории модернизации выделяла способность догоняющих обществ учиться на примерах более развитых стран. В то же время недостаточно учитывалась способность модернизирующихся обществ к новой интерпретации заимствуемых паттернов модерна. Институты обществ, которые считаются более развитыми, могут интерпретироваться таким образом, что «их интерпретация будет способствовать изобретению этих институтов заново, а не просто их трансферу» [3, с. 152]. В данном контексте Арнасон обращает внимание на взаимодействие Китая с Западом, а затем с советской версией альтернативного модерна. Однако он указывает, что «изобретение заново» определенных современных институтов не обязательно предполагает «прогресс» в каком бы то ни было смысле этого термина [16, р. 43].

С точки зрения этого социолога, модернизирующиеся общества переплетаются: 1) друг с другом; 2) с общими структурными проблемами, отличающими современные социальные трансформации; 3) со структурным наследием, связанным с определенными ограничениями, которые предполагают адаптацию этого исторического наследия к модерну; 4) с глобальным окружением, менявшимся «в ходе экспансии Запада и разворачивающихся ответов на нее» [3, с. 151]. Хотя взаимодействие советской и китайской моделей коммунизма относится главным образом к первому из указанных типов, в ходе анализа этого

взаимодействия следует учитывать и другие выделенные аспекты переплетения современных обществ.

Переплетение советской и китайской моделей коммунизма

В своей книге «Несбывшееся будущее» Арнасон сфокусировал внимание на исторических предпосылках формирования советской версии модерна и ее внутренней динамике [15]. В данной работе был представлен «оригинальный сравнительно-исторический социологический подход к изучению стран Второго мира» [21, р. 32]. При этом Арнасон продолжал и развивал вебериянскую традицию в исследованиях обществ советского типа [11; 18]. В частности, он сопоставил сложившуюся в СССР модель альтернативного модерна с вариантами данной модели, которые сформировались в Восточной Европе и Китае. Этот сравнительный анализ был дополнен изучением глобального контекста распространения альтернативного модерна, включая рост мирового коммунистического движения, а также взаимоотношения СССР со странами Запада. Особый интерес с точки зрения рассматриваемой нами проблематики представляет статья Арнасона «Переплетенные коммунизмы», посвященная взаимодействию СССР и Китая [3, с. 151–181]. В его книге «Лабиринт модерна» выделяется геополитическое измерение феномена коммунизма, в том числе взаимосвязь изначальной советской версии коммунистического модерна и ее трансформации в Китае [17].

В трудах Арнасона характеризуются особенности межцивилизационного взаимодействия, обусловленные различиями западного и китайского «культурных миров». Как указывает социолог, «Китай был наиболее удаленным от Запада “другим” (как в отношении различных культурных основ, так и с точки зрения ограниченного количества исторических контактов), а также последним крупным цивилизационным центром из втянутых на орбиту западной экспансии» [3, с. 157]. Взаимодействие Китая с Западом, начавшееся в 1840-е гг., стало «возможно, самым значительным цивилизационным конфликтом в мировой истории» [3, с. 76]. Однако Арнасон акцентирует внимание не столько на военном столкновении Китайской империи с западными державами, сколько на последующем проникновении в страну и адаптации западных идеологий. В частности, он ссылается на тайпинское восстание 1850–1864 гг. В дальнейшем революционное движение в Китае стремилось, с одной стороны, к преобразованию социально-экономической структуры, а с другой – к укреплению государства, чтобы вернуть ему достойное место на международной арене. При этом «социальная реконструкция и геополитическое возрождение должны были быть определены с постоянной отсылкой к цивилизационному вызову Запада» [2, с. 198].

До прихода к власти большевиков российская революционная традиция не оказывала существенного воздействия на китайских

активистов. Однако после 1917 г. марксистские идеи начинают играть все более значительную роль в китайской политической жизни. При этом большевизм воспринимался в Китае как «уже апробированная успешная формула перестройки разрушенной империи» [2, с. 199]. В результате советское государство стало образцом для радикальных китайских политических сил. Советская модель «могла быть воспринята и адаптирована разными способами в разных частях китайской политической арены. В этом смысле китайские коммунисты и Гоминьдан представляли собой две части одного континуума со значительным пересечением» [2, с. 199].

Влияние СССР на развитие Китая было значительно сильнее, чем обратное влияние Китая. Тем не менее может быть выделена также и роль связей с Китаем в политической жизни советского государства. В частности, Арнасон обращается к периоду 1920-х гг., когда в глазах большевистского руководства Китай выступал перспективной ареной для революционного движения. Однако в этот момент советское руководство было расколото на непримиримые фракции, которые использовали динамику революционной борьбы в Китае для собственной идеологической легитимации. Если руководство ВКП(б) было вынуждено искать оправдание для своей китайской политики, то оппозиционное троцкистское течение настаивало на том, что «сталинский оппортунизм или предательство сорвали китайскую революцию» [3, с. 162].

В китайской политике ВКП(б) бросалось в глаза несоответствие «между ограниченными знаниями и огромными амбициями» [3, с. 163]. В конечном итоге у большевистского руководства «не было четкой программы действий относительно борьбы Гоминьдана, КПК и Японии в Китае» [9, с. 154]. Вместе с тем Арнасон считает правдоподобной интерпретацию, согласно которой в 1920-е гг. большевистское руководство утверждало, что китайские коммунисты могли бы захватить контроль над гоминьдановскими структурами. В таком случае Китай выступал своего рода полигоном «для испытаний воображаемого пути к власти, который позднее можно будет превратить в более эффективную тактику для использования в различных исторических обстоятельствах» [3, с. 163]. Хотя применение этой тактики в Китае завершилось провалом в 1927 г., в дальнейшем она стала более успешной в ряде стран, оказавшихся в сфере советского контроля.

Как подчеркивает Арнасон, фракционная борьба в ВКП(б) повлияла на политические процессы в Китае, но последние во многом определялись внутренними тенденциями. С его точки зрения, «первый взлет и первое падение» китайского коммунизма в 1920-е гг. следует сравнивать не с примером более успешной борьбы большевиков за государственную власть в России, а, скорее, с их «неудавшимся проектом мировой революции: изначальное стратегическое видение китайского

большевизма, как представляется, столь же расхожилось с китайскими условиями, сколь и ленинско-троцкистские надежды 1917 г. с европейскими условиями» [3, с. 173]. Арнасон следующим образом характеризует траекторию китайского коммунизма после 1927 г. (так называемый Яньаньский период): «Отступление в периферийные сельские области привело к созданию зародышевого государства, которое со временем стало самым жизнеспособным из государств — преемников Китайской империи, нацеленных на ее восстановление и военное воссоединение» [3, с. 174]. Особый акцент при этом Арнасон делает на использовании китайскими коммунистами потенциала ленинской партийной модели для государственного строительства. Он проводит аналогию между произошедшей в Китае мутацией революционного движения в «контргосударство» и принятой в СССР стратегией построения социализма в одной стране. По мнению Арнасона, в Яньаньский период истории китайского коммунизма «были адаптированы советские методы тоталитарного контроля» [3, с. 176].

Обращаясь к анализу «переплетения» советской и китайской версий альтернативного модерна после 1949 г., Арнасон не принимает распространенную точку зрения, согласно которой коммунистический Китай развивался по собственной траектории, не совпадавшей с советской моделью. Во время восходящего этапа маоизма этот процесс рассматривался рядом исследователей как «китаизация» марксизма. С точки зрения Арнасона, некоторые китайские инновации базировались на тенденциях, отличавших советскую модель, но они использовались более экстремальным образом. Кроме того, эти трансформации испытали на себе воздействие китайских традиций. Как справедливо отмечает в данной связи Д.Ю. Карасев, Арнасон продемонстрировал, что «Китай действительно адаптировал элементы советской модели, однако сделал это на рельсах собственного цивилизационного наследия, в том числе сформированного под воздействием отличающегося от российского паттерна межцивилизационного взаимодействия с Западом и внутренней борьбы» [9, с. 154].

После победы коммунистов в Китае советская модель была использована там в качестве «всеобъемлющей рамки социальных и экономических трансформаций», причем систематический трансфер институтов и практик «происходил без какого-либо внешнего воздействия со стороны Советов в атмосфере взаимного недоверия» [3, с. 177]. Как указывает Арнасон, советская модель представлялась китайскому руководству наилучшим путем развития, но вскоре выявились трудности ее применения в условиях более отсталой экономики. Кроме того, заимствованные идеи и практики столкнулись на китайской почве «с более древним и в целом более чуждым культурным миром, чем тот, в котором они зародились» [17, р. 3]. Это осложнялось геополитическим контекстом, поскольку китайское руководство,

по-видимому, изначально «стремилось быть наравне с другой коммунистической империей» [3, с. 179]. Арнасон расценивает политические инициативы Мао Цзэдуна с середины 1950-х гг. как поиски ответа на этот комплекс условий. В целом он характеризует китайский проект альтернативного модерна как «внутреннюю радикализацию» советской модели. «Ускоренное развитие, усиленная мобилизация и повсеместная интернализация идеологического контроля были центральными для маоистского проекта» [3, с. 180].

Следует отметить также, что основной чертой советской глобальной стратегии с конца 1940-х гг. стало создание единого «социалистического лагеря». Для этого две ведущие державы мирового коммунизма должны были объединиться в геополитически сплоченный блок. Однако такая сплоченность оказалась крайне недолговечной, что было во многом обусловлено имперским наследием Китая. Очевидно, основным разрушительным фактором стало имперское соперничество внутри бывшего блока. «Самый серьезный вызов был брошен единственной страной, которая могла стремиться стать альтернативным идеологическим и геополитическим центром» [1, с. 29]. Согласно Арнасону, Китай «слишком хорошо осознавал свою исключительную историю и себя как великую державу мирового уровня» [8, с. 13]. При этом советско-китайский конфликт может расцениваться как «вторая холодная война» [3, с. 164].

Траектория китайской версии модерна в постмаоистский период

Происходившее на протяжении последних четырех десятилетий экономическое и геополитическое возвышение Китая привлекло к себе внимание как историков, так и представителей исторической социологии. Особенно исследователи глобальной истории указывали на необходимость изучения эволюции китайского общества в длительной временной перспективе. Поскольку вплоть до XVIII в. ряд областей страны принадлежали к наиболее экономически развитым регионам мира, сегодняшний рост выглядит как «структурно предопределенное возвращение к “нормальному” для Китая статусу сильной державы» [10, с. 192]. Историки обращали внимание на тот факт, что правители из династии Цин с 1860-х гг. экспериментировали с различными стратегиями экономической модернизации, опиравшейся на государственный контроль над частным предпринимательством. Кроме того, выделялось наследие периода 1930-х гг., когда китайский капитализм быстро развивался в условиях слабых государственных институтов. Эта экономическая динамика получила продолжение в Гонконге и в среде китайских эмигрантов в странах Юго-Восточной Азии, а в дальнейшем оказала влияние на экономику континентального Китая.

Однако в данном случае характеристика исторических предпосылок возвышения Китая ограничивается лишь экономической сферой.

Очевидно, требуется больший акцент на роли культурных и политических факторов, что характерно для концепции Арнасона. С точки зрения этого социолога, особенностью Китая стало соединение мощного цивилизационного наследия с коммунистическим проектом альтернативного модерна. Как полагает Арнасон, взаимодействие Китая с советской моделью модерна может рассматриваться как наиболее значительное последствие Октябрьской революции 1917 г. в России. В долгосрочной перспективе воссоздание китайского государства на основе заимствования и адаптации советской модели может оказать большее влияние на ход мировой истории, чем формирование и динамика данной модели в российском контексте. «Воссоединение Китайской империи под коммунистическим правлением являлось ключевым фактором построения и реструктуризации государства развития; китайский опыт, следовательно, имеет решающее значение для оценки исторического наследия коммунизма» [17, р. 183].

В целом модернизационная траектория китайского коммунизма демонстрирует «особенно сложное сочетание антитрадиционализма, преемственности и возврата к традиционным истокам» [17, р. 3]. В качестве одного из примеров Арнасон упоминает развернутую в коммунистическом Китае после окончания «культурной революции» идеологическую кампанию против конфуцианского влияния. Однако вскоре после смены политического курса в конце 1970-х гг. некоторые элементы конфуцианской традиции были подвергнуты переоценке и заняли заметное место в официальном дискурсе. «Китайские интерпретаторы конфуцианства расходятся в том, какое значение ему следует придавать и какие темы выделять, а зарубежные аналитики обсуждают проблему подлинной преемственности либо искусственного заимствования, но вопрос о конфуцианстве в любом случае остается на повестке дня» [17, р. 145].

С точки зрения Арнасона, в постмаоистском Китае сочетание паттернов капиталистического развития, элементов марксистско-ленинской политической практики и идеологии, а также избирательного возрождения конфуцианского наследия и имперской традиции, по-видимому, является чем-то бóльшим, чем вариант советской модели. В официальной идеологии КПК используется такой термин, как «социализм с китайской спецификой». В данном случае понятие социализма подчеркивает преемственность истории Китая после 1949 г., а ссылка на соответствующую специфику может относиться «к традициям китайской цивилизации, современному китайскому национализму или усилению Китая на мировой арене» [17, р. 170]. Но в любом случае партия определяет, что именно должно считаться такого рода спецификой. Вместе с тем, как утверждает Арнасон, избранный Китаем путь «не является перспективной основой для претензий на альтернативный тип модерна» [2, с. 200].

В работах Арнасона характеризуются также внешние условия, в которых происходили трансформационные процессы в постмаоистском Китае. С одной стороны, перед глазами китайского руководства был пример успешного экономического развития Японии и других стран Восточной Азии, исторически принадлежавших к китайскому культурному миру. В целом значение опыта этих государств не могло сравниться с влиянием советской модели альтернативного модерна, но учет региональной динамики, безусловно, оказал влияние на смену курса китайской Компартии на рубеже 1970–1980-х гг. С другой стороны, существенную роль сыграли изменение структуры и все более широкий охват мировой капиталистической экономики, что создавало как новые возможности, так и проблемы для экономической стратегии Китая [17, р. 169]. Как отмечает Арнасон, возрождение в Китае капиталистической экономики широко комментировалось западными наблюдателями. Первоначально преобладала точка зрения, согласно которой развитие рыночной экономики рано или поздно приведет к демократизации политического режима. В дальнейшем получили распространение прогнозы неизбежности экономического кризиса или коллапса в Китае. Но и в первом и во втором случае присутствовал определенный экономический детерминизм.

Согласно Арнасону, происходившие в последние десятилетия в Китае экономические и социальные трансформации требуют изменения нашего восприятия коммунистического модерна. Прежде всего, следует пересмотреть события конца XX в., которые воспринимались как повсеместное крушение коммунизма или свидетельство неизбежности этого крушения. В частности, становится все более очевидным расхождение российского и китайского путей развития, поскольку в Китае сохранилась власть Коммунистической партии и не произошло «геополитического сжатия». В то же время наблюдается формирование «нового китайско-российского альянса с иным распределением сил и без проблемы общей, но все более порождающей споры идеологии» [17, р. 171]. Однако, по мнению Арнасона, предпринимаемые в западных странах «попытки сконструировать образ “евразийской автократии”, предположительно общей для России и Китая и бросающей вызов западной демократии, сумбурны и неубедительны» [3, с. 256–257].

Оценивая современное положение Китая, следует также в большей степени учитывать глобальный геополитический контекст. Как утверждает Арнасон, возвышение Китая «ставит крест на видении однополярного и, следовательно, стабильного миропорядка, которое получило распространение, когда холодная война, как казалось, закончилась» [3, с. 257]. В целом Арнасон не считает реалистичной идею, что Китай сменит Соединенные Штаты в качестве мирового гегемона. Однако он признает, что в обозримом будущем отношения между

Китаем и США будут находиться в центре международной политики. Во взаимодействии между ними, по мнению этого социолога, наблюдается блокирование с обеих сторон адаптационных механизмов, что может привести к катастрофическим последствиям.

В Китае произошел отход от идеологического эклектизма, который был характерен для начала XXI в. В то же время усиление власти верховного лидера заставляет вспомнить о традиционных для Китая паттернах имперского правления. Говоря о существующих в США взглядах на отношения с Китаем, Арнасон указывает, с одной стороны, на «пробуждение от иллюзий о кооптации младшего партнера посредством магии глобальных рынков» [14, р. 147]. Но, с другой стороны, с его точки зрения, в американской внешней политике сохраняется наследие как периода холодной войны, так и сменившего ее восприятия однополярного мира, что усугубляется последствиями «трампизации» этой политики.

В конечном итоге более адекватная оценка китайского опыта требует пересмотра преобладавших до недавнего времени взглядов на процессы глобализации. По мнению Арнасона, представления о том, что глобализация приведет к формированию единой мировой системы, являются несостоятельными. Динамика глобализации в действительности сопровождается процессами регионализации, а также дифференциацией на уровне цивилизаций и отдельных государств. Вместе с тем глобализация никогда не представляла собой единый процесс. Скорее, можно говорить о множественности глобализаций, одним из аспектов которой стало распространение на протяжении «краткого XX в.» коммунистической версии модерна.

Заключение

Концепция «переплетенных» модернов, представленная в современной социологической теории и использовавшаяся в исторических исследованиях, нуждается в определенной корректировке. Ряд авторов, обращавшихся к проблематике переплетения современных обществ, выделяли главным образом взаимоотношения Запада с колониями и зависимыми странами, в число которых включали Китай второй половины XIX — начала XX в. Й. Арнасон указывает на различия между западным и китайским «культурными мирами», которые обусловили особенности взаимодействия между ними. Вместе с тем, с точки зрения этого социолога, внутри коммунистического Второго мира также существовало своеобразное «переплетение» современных институтов. Наглядным примером этого служит взаимодействие СССР и Китая.

Арнасон характеризует различные аспекты советско-китайского «переплетения». В 1920-е гг. большевистский режим выступал ориентиром для китайских политических сил: не только для коммунистов, но в определенной степени и для Гоминьдана. В свою очередь, политиче-

ская борьба в Китае использовалась для собственной легитимации как руководством ВКП(б), так и оппозиционным троцкистским течением. Как демонстрирует Арнасон, после 1949 г. начался систематический трансфер в Китай институтов и практик советской модели модерна. Более того, произошла «внутренняя радикализация» этой модели. В то же время усилившееся соперничество СССР и Китая, который стремился стать альтернативным геополитическим и идеологическим центром, привело к расколу мирового коммунизма.

В постмаоистский период истории Китая «переплетение» с советской моделью сменилось более выраженным акцентом на собственном цивилизационном наследии и усилении взаимодействия с глобальным капиталистическим модерном. С одной стороны, в официальную идеологию правящей партии были включены элементы конфуцианской традиции. С другой стороны, экономическая открытость по отношению к внешнему миру сопровождалась обращением к опыту успешного развития стран Восточной Азии, принадлежащих к китайскому «культурному миру». Вместе с тем, как полагает Арнасон, не следует недооценивать сохраняющееся наследие переплетения советской и китайской моделей коммунистического модерна. Для социологии международных отношений значительный интерес представляет также предложенный этим социологом анализ взаимодействия США и Китая и возможных последствий их противостояния.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арнасон Й.* Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35. EDN: PBDTXN
2. *Арнасон Й.* Переосмысление восточноазиатского модерна // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 191–200.
3. *Арнасон Й.* Цивилизационные паттерны и исторические процессы / Пер. с англ. М. Масловского, Д. Карасева, Ю. Прозоровой, А. Степанова. Сост., послесл. М. Масловского. М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 304 с. EDN: OMAUNS
4. *Браславский Р.Г.* Социологические модели современного цивилизационного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 5. С. 7–40. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.5.1 EDN: NINHCC
5. *Дэвид-Фокс М.* Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 19–44. EDN: ZCJGUR
6. *Дэвид-Фокс М.* Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе / Пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2020. — 464 с.
7. *Йоас Х., Кнебель В.* Социальная теория. Двадцать вводных лекций / Пер. с нем. К.Г. Тимофеевой. СПб.: Алетейя, 2013. — 840 с.

8. Интервью с профессором Йоханом Арнасоном // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 6. С. 7–17. EDN: SIZRDX
9. Карасев Д.Ю. Реляционно-цивилизационный подход Й. Арнасона и глобальное измерение советского модерна // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 151–156. DOI: 10.31857/S013216250016501-4 EDN: YHDGTQ
10. Конрад С. Что такое глобальная история? / Пер. с англ. А. Степанова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 312 с.
11. Масловский М.В. Исследования советского общества в неовеберийской исторической социологии // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 5–14. EDN: PZQLRZ
12. Терборн Й. Мир: руководство для начинающих / Пер. с англ. Е.М. Горбуновой, Л.Г. Титаренко; Под науч. ред. С.М. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 336 с.
13. Титаренко Л.Г. Восточноазиатский модерн в цивилизационной концепции Йохана Арнасона // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 2. С. 80–95. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.2.4 EDN: APVZKR
14. Adams S., Arnason J. A conversation on social imaginaries: Culture, power, action, world // International Journal of Social Imaginaries. 2022. Vol. 1. No. 1. P. 129–147. DOI: 10.1163/27727866-01010006
15. Arnason J. The future that failed: Origins and destinies of the Soviet model. London: Routledge, 1993. — 252 p.
16. Arnason J. Civilizations in dispute: Historical questions and theoretical traditions. Leiden: Brill, 2003. — 380 p. DOI: 10.1163/9789004405424
17. Arnason J. The labyrinth of modernity: Horizons, pathways and mutations. London: Rowman and Littlefield, 2020. — 230 p.
18. Maslovskiy M. The Soviet version of modernity: Weberian and post-Weberian perspectives // Russian Sociological Review. 2019. Vol. 18. No. 2. P. 174–188. DOI: 10.17323/1728-192x-2019-2-174-188 EDN: UVQBQZ
19. Randeria S. Entangled histories of uneven modernities: Civil society, caste solidarities and legal pluralism in post-colonial India // Unraveling ties: From social cohesion to new practices of connectedness / Ed. by Y. Elkana, I. Krastev, E. Macamo, S. Randeria. Frankfurt: Campus, 2002. P. 284–311.
20. Smith J. Debating civilisations: Interrogating civilisational analysis in a global age. Manchester: Manchester University Press, 2017. — 205 p.
21. Spohn W. World history, civilizational analysis and historical sociology: Interpretations of non-western civilizations in the work of Johann Arnason // European Journal of Social Theory. 2011. Vol. 14. No. 1. P. 23–39. DOI: 10.1177/1368431010394506
22. Therborn G. Entangled modernities // European Journal of Social Theory. 2003. Vol. 6. No. 3. P. 293–305. DOI: 10.1177/13684310030063002 EDN: JRKXCX

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Масловский Михаил Валентинович — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (812) 316-34-36. **Электронная почта:** m.maslovskiy@socinst.ru

Дата поступления: 27.02.2023.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. NO. 1. P. 97–112. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.5

Research Article

*MIKHAIL V. MASLOVSKIY*¹

¹ Sociological Institute of FCTAS RAS, St-Petersburg, Russian Federation.

Office 504, 25/14, 7th Красноармейская st., 190005, Saint-Petersburg, Russian Federation.

ANALYZING THE “ENTANGLEMENT” OF THE SOVIET AND CHINESE MODELS OF ALTERNATIVE MODERNITY IN J. ARNASON’S HISTORICAL SOCIOLOGY

Abstract. This article examines approaches towards analyzing the “entanglement” of modern societies in sociological and historical literature. Differences between G. Therborn’s and J. Arnason’s approaches are highlighted and Arnason’s perspective on “alternative” communist modernity is discussed. The interaction of the USSR and China represents an example of entanglement of alternative modernities. As Arnason demonstrates, in the 1920’s the Soviet model of state-building was seen by various political forces in China as a case of successful imperial restoration. In addition, he highlights the role of ties to China in Soviet politics. Chinese communists adapted Soviet patterns of totalitarian control before even coming to power. After 1949 there was a further adaptation and radicalization of the Soviet model in China. At the same time the rivalry between the USSR and China was largely a product of their imperial legacies. According to Arnason, in post-Maoist China a combination of patterns of capitalist development, elements of Marxist-Leninist political practices and ideology, as well as a selective revival of Confucian legacies all went beyond the Soviet model. Arnason characterizes how Chinese leadership was influenced by the example of economic development of other East Asian countries and examines the rivalry between the USA and China in the global geopolitical context.

Keywords: historical sociology; J. Arnason; multiple modernities; Soviet Union; China.

For citation: Maslovskiy, M.V. Analyzing the “Entanglement” of the Soviet and Chinese Models of Alternative Modernity in J. Arnason’s Historical Sociology. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 97–112. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.5

REFERENCES

1. Arnason J. Communism and Modernity. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2011. No. 1. P. 10–35. (In Russ.)
2. Arnason J. East Asian Modernity Revisited. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2016. No. 1. P. 191–200. (In Russ.)

3. Arnason J. *Tsyvilizatsionnye patterny i istoricheskie protsessy*. [Civilizational Patterns and Historical Processes]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie publ., 2021. 304 p. (In Russ.)
4. Braslavskiy R. Sociological Models of Contemporary Civilizational Analysis. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2020. Vol. 23. No. 5. P. 7–40. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.5.1 (In Russ.)
5. David-Fox M. Russian-Soviet Modernity: None, Shared, Alternative or Entangled. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. 2016. No. 4. P. 19–44. (In Russ.)
6. David-Fox M. *Persekaya granitsy: modernost', ideologiya i kul'tura v Rossii i Sovetskom Soyuze*. [Crossing Borders: Modernity, Ideology and Culture in Russia and the Soviet Union]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie publ., 2020. 464 p. (In Russ.)
7. Joas H., Knoebl W. *Sotsial'naya teoriya: dvadtsat' vvodnykh lektsii*. [Social Theory: Twenty Introductory Lectures]. St-Petersburg: Aleteya publ., 2013. (In Russ.)
8. Interview with Professor Johann Arnason. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2012. Vol. 15. No. 6. P. 7–17. (In Russ.)
9. Karasev D.Yu. J. Arnason's Civilizational and Relational Analysis and Global Dimension of Soviet Modernity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2021. No. 9. P. 151–156. DOI: DOI: 10.31857/S013216250016501-4 (In Russ.)
10. Conrad S. *Chto takoe global'naya istoriya?* [What is Global History?] Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie publ., 2018. 312 p. (In Russ.)
11. Maslovskiy M.V. Studies of Soviet Society in neo-Weberian Historical Sociology. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2001. No. 4. P. 5–14. (In Russ.)
12. Therborn G. *The World: Beginners' Guide*. [Russ. ed.: *Mir: rukovodstvo dlya nachinayushchikh*. Transl. from Eng. by E.M. Gorbunova, L.G. Titarenko; Ed. by S.M. Gavrilenko. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2015. 336 p.]
13. Titarenko L.G. Eastern Asian modern in the civilizational concept of Johann Arnason. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 80–95. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.2.4 (In Russ.)
14. Adams S., Arnason J. A Conversation on Social Imaginaries: Culture, Power, Action, World. *International Journal of Social Imaginaries*. 2022. Vol. 1. No. 1. P. 129–147. DOI: 10.1163/27727866-01010006
15. Arnason J. *The Future that Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model*. L.: Routledge, 1993. 256 p.
16. Arnason J. *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden: Brill, 2003. 380 p. DOI: 10.1163/9789004405424
17. Arnason J. *The Labyrinth of Modernity: Horizons, Pathways and Mutations*. L.: Rowman and Littlefield, 2020. 230 p.
18. Maslovskiy M. The Soviet Version of Modernity: Weberian and Post-Weberian Perspectives. *Russian Sociological Review*. 2019. Vol. 18. No. 2. P. 174–188. DOI: 10.17323/1728-192x-2019-2-174-188
19. Randeria S. Entangled Histories of Uneven Modernities: Civil Society, Caste Solidarities and Legal Pluralism in Post-Colonial India. *Unraveling Ties: from Social Cohesion to New Practices of Connectedness*. Ed. by Y. Elkana, I. Krastev, E. Macamo, S. Randeria. Frankfurt: Campus, 2002. P. 284–311.
20. Smith J. *Debating Civilisations: Interrogating Civilisational Analysis in a Global Age*. Manchester: Manchester University Press, 2017. 205 p.
21. Spohn W. World History, Civilizational Analysis and Historical Sociology: Interpretations of Non-Western Civilizations in the Work of Johann Arnason. *European Journal of Social Theory*. 2011. Vol. 14. No. 1. P. 23–39. DOI: 10.1177/1368431010394506
22. Therborn G. Entangled Modernities. *European Journal of Social Theory*. 2003. Vol. 6. No. 3. P. 293–305. DOI: 10.1177/13684310030063002

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Maslovskiy — Doctor of Sociological Sciences, Lead Researcher,
Sociological Institute of FCTAS RAS.

Phone: +7 (812) 316-34-36. **E-mail:** m.maslovskiy@socinst.ru

Received: 27.02.2023.
